

спецпереселенцы в нарымском крае

Г. Г. Зубарева, заведующая нарымским филиалом ОГАУК ТОКМ им. м. Б. Шатилова

Сегодня на карте Томской области уже не сыщешь многочисленных поселков, основанных по берегам таёжных рек Васюганья первыми спецпереселенцами, нет и печально знаменитого Нарымского округа, в который входил ныне тоже ушедший в небытие Васюганский район. Заросли лесом лоскутные поля, на месте бывших убогих поселков – осинник и трава забвения, на заброшенных погостах – чаща и бурелом... Там на заросших кладбищах лежат ссыльные с Прииртышья, Алтая, Красноярского края, там погребены спецпереселенцы из Прибалтики, Бессарабии, Буковины, с Кавказа... Десятки тысяч сосланных в этот забытый богом край.

В информационном центре УВД считают, что всего на спецпоселение на территорию Томской области было завезено до полумиллиона человек. Подавляющее большинство было доставлено в Нарымский округ, созданный в 1932 году и по территории равный Белоруссии и Литве вместе взятых.

Выбор места не случаен, так как Нарымский край издавна являлся местом царской ссылки, особенно получившим печальную славу после 1905 года. «Бог создал рай, а черт Нарымский край», так говорили о данных местах ещё в дореволюционное время. В 30-х годах среди спецпереселенцев появилась еще одна поговорка: «Кто в Нарыме не бывал, тот и горя не видал».

Из доклада начальника краевой администрации наркому внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачеву о хозяйственно-административном устройстве спецпереселенцев: «Томский округ, являющийся одним из основных пунктов расселения в Сибирском крае, располагает огромными колонизационными фондами в своей северной части, простирающейся от Томска на северо-запад. Однако эти колонизационные фонды, располагающие всеми благоприятными данными для сельскохозяйственного освоения, имеют большую географическую оторванность от культурных и промышленных центров Сибири, а некоторые из них являются совершенно недоступными вследствие отсутствия средств и путей сообщения. Это обстоятельство, являясь, с одной стороны, весьма положительным в смысле общественной изоляции спецпереселенцев, с другой – влечёт за собой трудности хозяйственного устройства поселений».

Первую партию переселенцев привезли зимним путем на лошадях в марте 1930 года. Распустило зимник, пришла весна 1931 года, и тысячи ссыльных стали отправлять водным путем. На местах будущих поселений измученных дальней дорогой в душных трюмах барж людей сгоняли по дощатым сходням на угрюмые берега Васюгана, Кети, Парабели, Чижапки и других таёжных рек. Сгоняли под открытое небо, в нехоженую тайгу, где денно и ночью висел в воздухе стонущий звон сибирского гнуса...

Для надзора за спецпереселенцами были учреждены комендатуры. Всего на территории Нарымского округа было организовано десять комендатур. Галкинская, Парбикская, Шегарская, Тоинская специализировались на сельхозработах. По лесу и кустарным промыслам специализировались – Ново-Васюганская, Средне-Васюганская, Парабельская, Кетская, Кето-Чулымская и Александрово-Ваховская.

В связи с созданием большого количества населенных пунктов, в которых жили только спецпереселенцы, было разработано положение «Об управлении принудительно заселёнными населенными пунктами». В пункте номер 1 этого положения указывалось, что управление поселками производится без допущения какой бы то ни было демократии. Во главе комендатур стоял комендант, имеющий двух помощников: одного по хозяйственной части, другого по административной. Коменданту на территории комендатуры были даны права райисполкома. В положении говорится, что он ведет учет населения, организацию работ, организует наблюдение,

охрану, контроль в целях недопущения побегов и самовольных отлучек. В спецпоселенческий поселок назначались комендатурой поселковые коменданты или уполномоченные с правом сельсовета. Для удобства поселок разбивался на участки по 10 дворов, и из числа лояльных поселенцев назначались звеньевые.

Была разработана инструкция «О мерах воздействия за самовольные отлучки с работ, поселков и побеги с мест расселения». Самовольный уход с работы или из поселков без разрешения, продолжавшийся менее суток, рассматривался как отлучка, свыше одних суток – как побег с места высылки. Самовольная отлучка, совершенная повторно, рассматривалась так же, как побег. За самовольные отлучки могло последовать наказание – предупреждение, занесение факта в личное дело, зачисление в штрафные команды на срок от 3 до 5 суток с обязательным вычетом 25% заработка. Рабочий день увеличивался на 1,5–2 часа, увеличивалась норма выработки. За побеги возбуждалось уголовное дело, и затем суд направлял виновных дальше на север – в Туруханский край, имущество конфисковывалось и возвращению не подлежало.

Таким образом, можно считать, что в 1930-х годах Нарымский край представлял собой своеобразный полигон для осуществления здесь форсированной государственной колонизации в её специфическом, карательном варианте. По своим масштабам эта программа являлась Г. Г. Зубарева 21 одной из крупнейших, в её реализацию было вовлечено от 10 до 15% от общей численности спецпереселенцев страны (около 200 тыс. чел. в 1931 г. и около 120 тыс. в 1938 г.). В депортации крестьян властям представлялся, безусловно, перспективным колонизационный аспект. Согласно правительственному постановлению от 28 декабря 1931 года, в течение уже первых двух лет Нарымский край должен был стать производящим сельхозпродукцию в объёмах, достаточных для нужд не только комендатур, но и местного населения, а также ежегодно увеличивать поставки деловой древесины, что подтвердило бы правильность политики принудительной колонизации.

По прибытии на место поселения спецпереселенцы в Нарымском крае получали задачу на раскорчёвку под пашню, им выдавался план на посев и сдачу зерна государству (в 1931 г. раскорчёвано под сельскохозяйственные цели 6 тыс. га, в 1932 г. – 55,4 тыс. га. Из постановления Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 2 октября 1931 года: «В целях быстрее и широкого развертывания мероприятий по эксплуатации громадных естественных богатств северных районов края и более рационального использования хозяйственной деятельности спецпереселенцев установить: спецпереселенцев, расселённых по Васюгану, Парабели, Кети, Чулыму и их притокам, ориентировать на лесозаготовки (рубка, возка, сплав и погрузка леса), обслуживание лесобрабатывающих предприятий, лесохимии, лесокустарных промыслов (выработка саней, тары, выгонка смолы, дёгтя, пихтового масла и др.). Остальные виды хозяйственной деятельности, в том числе полеводство, скотоводство и огородничество, в этих районах должны являться подсобными для удовлетворения потребительских нужд самих спецпереселенцев». Борьба с эксплуататорами и кровопийцами, начатая большевиками в 1917 году, закончилась самой беспощадной эксплуатацией своего народа.

Вышестоящее руководство столкнулось с суровой реальностью – в этой таёжно-болотной зоне, где лес и неудобные земли составляли свыше 97% территории, а занятая пашней площадь – 0,3%, успешная сельскохозяйственная деятельность, особенно полеводство, была невозможна. Причиной трудностей стали не только природно-климатические условия, но и организационные факторы.

Состояние «натурфонда», поступившего из районов депортации, хозинвентаря, тягловой силы было плачевно. Негодные или почти полностью изношенные плуги составляли пятую часть общего количества, остальные требовали ремонта. Состояние лошадей, прибывших из мест высылки крестьян, оценивалось как близкое к катастрофическому. Сенокосных угодий в местах нового

поселения было немного, и сеноуборочная кампания не принесла ожидаемых результатов. Осенняя посевная кампания 1931 года была обречена на срыв, не стала успешной и весенняя посевная кампания 1932 года. Нередко завозимые в централизованном порядке семена оказывались непригодными в местном климате.

Другая сложность директивной колонизации Нарыма – значительный удельный вес иждивенцев нетрудоспособных возрастов – стариков и детей до 12 лет. Доля трудоспособных в составе спецпереселенцев Нарыма равнялась 52,3%, а крайних возрастных категорий (стариков и детей) – 47,7%, большинство среди них составляли дети до 12 лет. Столь деформированная возрастная структура, в которой трудоспособное население достигало чуть более 50%, была причиной широкого использования в комендатурах труда подростков, а фактически детей с 12 лет. В общей массе трудоспособных спецпереселенцев пропорции между мужчинами, женщинами и подростками (12–16 лет) составляли соответственно – 38,7, 41,6 и 19,7% (1). Следующая трудность была следствием установки на размещение спецпоселков в отдаленных и труднодоступных местностях, дабы уменьшить риск побегов и нежелательных контактов со старожилами. Доставка туда продовольствия, инструментов и материалов требовала значительных затрат на прокладку дорог среди тайги и болот. Жилищное строительство тормозилось не только нехваткой инструментов и материалов, трудностями доставки их в поселки, но и тем, что очень многие семьи спецпереселенцев, лишённые трудоспособных глав, не могли самостоятельно строиться. Именно поэтому зимой 1931 г. только треть семей была обеспечена «нормальной жилплощадью», большинство же осталось зимовать в землянках. Жилищное строительство в Нарымских комендатурах предусматривалось завершить в октябре 1932 г. и обеспечить таким образом каждого спецпереселенца не менее чем 3 кв. м площади в доме или бараке, но эта цель даже годом позднее далеко не везде была достигнута.

Голод и изнурительный труд каждодневно множили число сирот. Пришлось открывать детские дома для содержания детей. Так, в 1932 году был открыт Васюганский детский дом, где в среднем проживало до 330 человек. Всего таких детдомов в Нарымском округе было открыто пятнадцать. Томский писатель В. Макшеев в своем исследовании «Спецы» приводит докладную записку заведующего Нарымским окружным отделом народного образования, отправленную в мае 1933 года краевым властям в Новосибирск, из которой становится понятно, что из себя представляли детские дома: «Состояние детских домов катастрофическое. Четыре дома имеют более или менее приличные здания, остальные размещены в полуземлянках, бараках, крестьянских избах. Страшная перегруженность помещений: на одного ребёнка приходится 0,25 кв. м площади пола. Дети спят на нарах, под нарами и на полу. Нет постельных принадлежностей. Дети обеспечены одеждой и обувью на 15–75% потребности. Из-за отсутствия обуви посещают школу по очереди. Дети получают полуголодную норму питания, но и эта норма выделяется очень неаккуратно. Некоторые детдома были по несколько дней без питания» (3).

Из-за отсутствия элементарных санитарных условий, чрезмерной скученности, постоянного недоедания в спецпоселках наблюдалась чудовищная смертность. В документах Сиблага содержится информация о том, что только за июнь 1931 – июль 1932 годов в Нарымских комендатурах умерло свыше 25 тыс. человек, или 11,7% от общей численности спецпереселенцев, 80% умерших – дети. Данные за вторую половину 1932 года позволяют предположить, что смертность здесь уменьшилась и составляла примерно 1 тыс. умерших в месяц.

Однако, несмотря на тяжелейшие условия выживания, отрицать или принижать труд спецпереселенцев в освоении Нарымского севера не следует. Трудовые навыки, несомненно, помогли репрессированным крестьянам адаптироваться к экстремальным условиям северного климата. Следует иметь в виду, что для решения задач «продвижения земледелия на Север» крестьяне–спецпереселенцы из южных районов Сибири с богатым опытом и традициями земледелия подходили больше, чем Нарымские старожилы, занимающиеся преимущественно

промысловой деятельностью. То же касается и развития производства, традиционно более успешного на юге Сибири. Кустарные промыслы в промышленных масштабах, производство продукции лесохимии (пихтовое масло, древесный спирт, скипидар и т.д.) являлись сравнительно новыми с технологической точки зрения видами труда и для спецпереселенцев, и для коренных жителей, и ставили их примерно в равные условия. Из итогов колонизации отдаленных районов следует, что в стране в 1930–1937 гг. было раскорчёвано и расчищено от кустарника и мелкого леса около 240 тыс. га, в том числе на территории Нарымских комендатур – почти 139 тыс. га. К 1938 году спецпереселенцами было построено 7294 км дорог, из них 3812 км нарымчанами. Если в 1931 г. в Нарымском крае посеы под пшеницу составляли всего 285 га, а урожай чуть более 4 ц/га, то в 1937 г. около 13 тыс. га и 7 ц/га соответственно. В 1931 г. медперсонал составлял всего 45 человек, тогда как в 1937 г. – 130 человек. Количество начальных и средних неполных школ на территории Нарымских комендатур позволяло обеспечить почти полный охват детей школьным обучением. (2)

Освоение Севера посредством «кулацкой ссылки» изначально основывалось на принуждении и потому не имело под собой долговременных перспектив. В середине 1930-х гг., когда остро встал вопрос о правовом положении спецпереселенцев, нарком внутренних дел Г. Ягода обратился к Сталину. В письме от 17 января 1935 г. он отмечал: «...по мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест. Вместе с тем, возвращение восстановленных трудпоселенцев в те края, откуда они были выселены, – политически нежелательно. Считаю целесообразным издание ЦИКом Союза ССР дополнения к постановлению от 27 мая 1934 г., где должно быть указано, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из мест вселения». Неделю спустя (25 января 1935 г.) ЦИК СССР принял постановление, которое узаконило пожизненность «кулацкой ссылки». Только с 1938 г. разрешение на выезд из комендатур стали давать молодежи, но отнюдь не из благих побуждений, а с целью провести черту между поколениями. В годы войны, когда на военную службу стали призывать мужское население из комендатур, началось массовое снятие «бывших кулаков» и членов их семей со спецучета НКВД, окончился почти 15-летний период форсированной принудительной колонизации северных районов Западной Сибири силами, главным образом, репрессированного крестьянства, подвергнутого, согласно терминологии сталинской пропаганды, «трудовому перевоспитанию».

В 2006 году на берега таежных рек Васюган, Нюролька, Чижалка отправилась экспедиция, она шла под флагом с надписью «Прощение и память». Ее участниками были и взрослые, и дети.

Экспедиция «Прощение и память» прошла именно по тем местам, где в 30-е годы на крутые берега высаживали спецпереселенцев, обреченных на голод, холод и унижения. Та же суровая, скупая природа Васюганья, бескрайняя, пугающая своей чернотой и безмолвием тайга по берегам, та же малонаселенность и изматывающий гнус, бесконечность пути. Встречи и беседы на поселениях с очевидцами событий, знакомство с документами той поры, круглые столы, поминальные службы, установка памятных знаков и крестов с надписью «Невинно загубленным жертвам сталинских репрессий вечная память!» создали атмосферу сопричастности и сопереживания. Эти ощущения сохранятся для участников экспедиции на всю жизнь.

В Москву на пятый Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия, 20 век» были отправлены проекты участников экспедиции. По решению жюри они вошли в тысячу лучших работ России и были отмечены поощрительными грамотами. Одной из работ был видеофильм Алексея Парфеновича, ученика 11-го класса Каргасокской СОШ. Вот как сам Алексей говорит о мотивах создания фильма: «...Я правнук сосланных с Алтая «кулаков». Участвуя в экспедиции «Прощение и память», работая в архиве г. Барнаула, я постоянно чувствовал мою личную связь с тем временем, долг перед моими близкими... Старшее поколение уходит, а с ним и те воспоминания, которые дороги и ценны для

нас, их внуков и правнуков. Но вечный вопрос «За что?», на который до сих пор нет внятного ответа, продолжает звучать набатом и находит отклик в наших душах и сердцах. Изменить то, что было, невозможно, но нужно сохранить память...».(3)

Пройдут годы, на смену нынешнему поколению придут другие, но установленные на берегах памятные кресты будут стоять, как скорбная память в назидание потомкам.

На высоком бугре

Вырос крест на заре.

Черен он,

словно смоль,

В нем душевная боль.

У подножья его

Свечи плачут

навзрыд,

Тихо шепчут они:

«Здесь никто не забудет».

Память чайкою

ввысь

Поднялась над рекой

И, уже не таясь,

под широким крылом

В небеса унеслась,

обретая покой.

Список литературы:

1. С. Красильников. «Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы», Москва РОССПЭН 2003 г., с. 218–221.
2. В. Н. Макшеев «Нарымская хроника 1930–1945 (документы и воспоминания)», изд-во «Русский путь». Москва, 1997 г., с. 8–11.
3. «Прощение и память». По материалам проекта «Прощение и память». Томск – 2008 г.

«Города несвободы»: материалы Международной научно-практической конференции «Города несвободы» (г. Красновишерск, 23–25 июля 2012 г.)/ издательство «Литер-А».– Пермь, 2012. С.19-25.